



ЖИЗНЬ И ВОЙНА

«НОЧНОЙ» ВЕДЬМЫ»

ЕЛЕНА ЛОРЯ



73 года назад студентка четвертого курса физфака МГУ Рина (так ее называла мама) Ракобольская добровольно ушла на фронт.

Так поступали многие ее однокурсники — о том, чтобы отправиться в эвакуацию, Ракобольская и не думала. Куда, как, в какие именно войска? Этого она не знала. Уже потом, попав в 46-й Гвардейский Таманский полк ночных бомбардировщиков, она стала легендарной «ночной ведьмой». А в июне 1941 года студентка Ирина Ракобольская просто шла защищать свою страну. Сегодня ей 94, но все, что было 70 с лишним лет назад, она помнит очень хорошо. И рассказывает о войне спокойно, без трагизма, лишнего пафоса и очень честно. Потому что это ее жизнь, ее война.

Ирина Вячеславовна живет в ГЗ — Главном здании МГУ. Профессор физфака, она все еще консультирует по телефону, пишет книги и с удовольствием общается. Война закончилась 69 лет назад, но она до сих пор не отпускает Ракобольскую. Хотя Ирина Вячеславовна постоянно повторяет: «Жить войной нельзя. О войне надо помнить. И ценить меня надо не за то, что я воевала 70 лет назад, а за то, что я сделала после этой войны». А сделала она очень много — воспитала двух замечательных сыновей — Андрея и Николая Линде (один из них — известный физик, профессор Стэнфордского университета, автор хаотической теории инфляции Вселенной, другой — профессор Института психоанализа и МГУ, автор «Эмоционально-образной терапии Линде»), создала в МГУ лабораторию космического излучения сверхвысоких энергий, в подземелье Московского метрополитена построила уникальную установку, провела на Памире исследование необычного

Женский полк ночных бомбардировщиков летал лучше многих мужских. «Ночные ведьмы» были не только эффективным боевым полком, но и доказательством равноправия советских женщин

явления — компланарного разлета вторичных частиц.

И все же Ракобольская помнит все маршруты передвижения своего полка, имена боевых подруг, грустные события и смешные эпизоды. И, конечно, тот день, когда по радио объявили о начале войны.

«Я сидела у своей подруги Леночки Талалаевой. Мы готовились к сессии. Если не ошибаюсь, к экзамену по теоретической физике.

Когда Ракобольскую определили в авиационную штурманскую группу, она до конца не понимала, чему предстоит научиться, — до войны будущий физик имела представление о самолетах исключительно как пассажир. Не более

И тут по телефону позвонил наш общий приятель и сказал: “Девушки, включите радио, сейчас будет говорить Молотов. Кажется, о войне с Германией”. Мы слушали речь Молотова, а когда он закончил, я заплакала. А потом мы поехали с Леной на Моховую, в университет. Там собрались все. Тут же провели собрание и решили: признаем себя мобилизованными партией и правительством», — говорит Ракобольская.

Тогда, в июне 1941 года, ощущения войны еще не было. Оно появилось позже, когда Москву начали затемнять по ночам, на площадях — рисовать крыши домов, чтобы запутать немцев, а с вокзалов каждый день стали отправляться эшелоны — на фронт, в эвакуацию. Вся страна пришла в движение. Куда

именно ее отправят, студентка Ракобольская не знала. И когда ее определили в штурманскую группу, она до конца не понимала, чему предстоит научиться, — до войны будущий физик имела представление о самолетах исключительно как пассажир. Не более.

А потом была авиашкола в Энгельсе, авиатруппа № 122 Марины Расковой, должность начальника штаба 46-го Гвардейского полка ночных бомбардировщиков, Ставрополье, Северный Кавказ, Крым, Белоруссия, Польша, Западная Пруссия, Берлин. Специально для «Мира и политики» Ирина Ракобольская рассказала о самых ярких и важных для нее эпизодах войны.



Бойцы женского полка ночных бомбардировщиков

Об отношении к женскому полку

Как к нам относились? Да плохо относились поначалу. Нашим командиром была Евдокия Бершанская, поэтому нас называли «Дунькин полк». И это было очень обидно. Сначала мы толком ничего не умели — ни летать, ни из прожекторов выходить. И к нам присылали парней, чтобы те нас учили. А они с таким презрением к нам относились, что мы в какой-то момент сказали: «Не надо нам никого! Сами всему научимся». И научились же! В общем, через полгода мы летали и воевали лучше мужиков.

О Сталине

По поводу Сталина у нас не было никаких иллюзий. И никто, по крайней мере из нас, студенток, не шел воевать и умирать за партию и за Сталина. За Родину — да. За наших людей — да. Но не за него. Я помню, как мы подошли к Германии и там в немецких концлагерях сидели наши солдаты и офицеры. Их освободили. Эти люди выходили, улыбались нам, плакали от радости, что оказались на свободе. А наша власть сажала их в теплушки и отправляла прямоком в лагерь. Мы сначала не понимали, куда их везут. Но быстро все узнали. Как мы могли относиться к этой власти, которая убивала своих людей?

О любви на войне

Когда война только началась, мы все думали, что это ненадолго. И решили, что пока она идет, надо вообще отказаться от личной жизни. Да, вот такой юношеский максимализм! Когда мы учились в летной школе в Энгельсе, то ходили в столовую только строем. Но как-то две девочки с мехмата МГУ встретили своих однокурсников и вернулись с обеда с ними, а не как обычно в строем. Так мы после этого провели собрание, сказали, что они позорят МГУ. Девочки очень расстроились, заплакали и пообещали больше

никогда с мужчинами не разговаривать! У меня до войны были поклонники, и я не могла определиться поначалу. Ну а потом сделала выбор. У меня сохранились все письма Димы Линде (он тогда тоже был студентом). А после войны мы поженились. Вот одно из моих писем Диме:

«Милый! Сегодня я получила от тебя письмо. Так быстро... Оно было опущено 19-го числа.

Что же делать? Я точно не могу без тебя. И еще так не скоро это все будет. Дим! Мы переехали в отдельную комнату. Устроили новоселье.

Дима! У меня не получается сегодня письмо, потому что мне сегодня очень, очень трудно одной. Я нашла старое письмо — не опустила в ящик, комплектую его с этим.

Родной мой, маленький (почти по бабушке). Две недели нашего счастья — это не так мало, это очень много, а мне хочется еще и еще.

Целую тебя, помню тебя всегда, всего. Твоя Ирина.
25 сентября 1944 года».

О Марине Расковой

Она постоянно ходила договариваться с начальниками вокзалов, чтобы наш состав не задерживали, пропускали. В это время ведь вся страна куда-то ехала. Когда мы все же добрались до Энгельса — лохматые, грязные, нас построили и зачитали приказ № 1. Всем девушкам нужно было коротко подстричься, волосы спереди — на пол-уха. Конечно, можно было оставить косы, но только с личного разрешения Расковой. Думаете, кто-то подошел к ней с такой просьбой? Никто не решился! Она была довольно жесткой. Меня ведь сразу назначили начштаба, даже не спросив, хочу ли я этого. Ну, я пошла к Расковой: «Не хочу быть начштаба, хочу летать». Она так холодно на меня посмотрела и сказала: «Я гражданских разговоров не люблю».

О маршале Рокоссовском

Из всех представителей высшего командования, с которыми я сталкивалась за время войны, Рокоссовский произвел на меня самое сильное впечатление. Потрясающий человек — интеллигентный, воспитанный, истинный джентльмен! Я встречалась с ним несколько раз. Когда пяти нашим девушкам присвоили звание Героя Советского Союза, вручать награды приехал сам Рокоссовский. Он со своими генералами и с Евдокией Бершанской сидел в комнате, а у меня к ней было срочное дело. Ну, я вошла и говорю: «Товарищ маршал, разрешите обратиться к командиру полка». — «Обращайтесь». Я начинаю что-

то говорить, и вдруг сначала Рокоссовский, а потом и все приехавшие с ним генералы встают. Я сначала ничего не поняла, а потом дошло: Рокоссовский встал передо мной как перед женщиной! По-моему, это было впервые за все время войны. Разве нас кто-то считал за женщин?!

Общалась я с ним еще раз и сразу после окончания войны. Нас привезли в бывший немецкий спортивный женский лагерь. Отдохнуть. А в конце мая приехал Рокоссовский и устроил нам праздник, День Победы. Накрытые праздничные столы, музыка, девочки танцуют. И вдруг по прямой линии Рокоссовскому звонит Сталин. И Рокоссовский, не останавливая оркестр, подходит к телефону и разговаривает со Сталиным. А потом он сказал нам: «Я со-

«Рокоссовский встал передо мной как перед женщиной! По-моему, это было впервые за все время войны. Разве нас кто-то тогда считал за женщин?»



Советские самолеты во время Великой Отечественной войны

вершенно не слышал, что Сталин говорил, только отвечал: так точно, так точно».

Рассказал он нам и про ужин Победы, который устраивали в Кремле. Сталин посадил его рядом с собой, Рокоссовский, как он сам сказал, немного испугался. А Сталин взял его рюмку и поставил ее на пол, рядом с ней — свою. Потом наклонился и взял свою, Рокоссовский — свою. Сталин с ним чокнулся и говорит: «Уважаю тебя, как мать-землю». Еще я из рук Рокоссовского получила орден Красного Знамени. **МП**